

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

О пароходных гудках

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619775*

Аннотация

«... Нельзя сказать, что и со мной обращались милосердно, – всякий старался унижить и прижать меня как можно больше – главный агент, просто агент, помощник, конторщик и старший писец.

Однако я не оставался в долгу даже перед старшим агентом: в ответ на его попреки и укоры я, выбрав удобное время, обрушивался на него целым градом ругательств:

– Идиот, болван, агентешка несчастный, чтоб тебя черти на сковородке жарили, кретин проклятый!

Курьезнее всего, что в ответ на это агент только улыбался и кивал согласно головой. ...»

Содержание

I	4
II	8

Аркадий Аверченко

О пароходных гудках

I

В дни моей юности я зарабатывал себе пропитание тем, что служил младшим писцом в транспортной конторе по перевозке кладей.

Начальства надо мной было очень много: главный агент, просто агент, его помощник, бухгалтер, конторщик и старший писец. Рассматривая эту длинную иерархическую лестницу сверху вниз, я мог обнаружить ниже себя только две ступеньки: кошку и копировальный пресс... И с первой, и со вторым я как начальник обращался сурово, чуть ли не по законам военного времени. Кошку драл за уши и учил перепрыгивать через поднятую ногу, а винт копировального пресса под моей ожесточенной рукой визжал так громко, что у кошки на морде появлялось выражение зависти и одобрения.

Нельзя сказать, что и со мной обращались милосердно, — всякий старался унижить и прижать меня как можно сильнее — главный агент, просто агент, помощник, конторщик и старший писец.

Однако я не оставался в долгу даже перед старшим аген-

том: в ответ на его попреки и укоры я, выбрав удобное время, обрушивался на него целым градом ругательств:

– Идиот, болван, агентшишка несчастный, чтоб тебя черти на сковородке жарили, кретин проклятый!

Курьезнее всего, что в ответ на это агент только улыбался и кивал согласно головой. Был он глух? Нет.

Удобный случай для сведения личных счетов с агентом представлялся только раз в день – когда мы отправлялись на пристань к одесскому пароходу, чтобы выправить консонаменты, заплатить деньги и получить товар.

Понятно, все это делал я, а агент только шатался по пристани, посвистывая и болтая со знакомыми, служащими Русского общества П. и Т.

Окончив дела, я улучал удобную минуту и подходил к агенту с самым простодушным лицом.

– Ну что, – ворчал он, – справились? Наверно, напутали, как всегда?

– Нет, все в порядке, Владимир Ильич, – смиренно отвечал я, подстерегая сладкий момент. – Я внес за Новоросийск...

И вот – момент наступал: невероятный, ужасающий пародный гудок потрясал все окружающее, рвал гремящий металлом воздух на клочки и оглушал, пригибал к земле своим яростным ревом все мелкое человечество, суетившееся около.

– ...Я внес за Новоросийск по трем дубликатам... Ах ты,

свинья этакая, идиотский агентиска!!! Я, по-твоему, путаю? А ты сам, лысый павиан, сделал ли ты хоть одно дело по агентству, не напутав так, что все за спиной смеются. Я ведь знаю, что ты вор, берешь взятки и вообще скотина такая, что смотреть омерзительно. Жулик, шельма кривоногая, кретиновидная...

Приблизившись ко мне, агент смотрел на мои шевелящиеся губы, кивал одобрительно головой в такт моим словам, будто соглашаясь со всеми высказанными мною подозрениями и эпитетами.

– И единственно, – орал я ему на ухо, – что тебе можно сделать – это по мордасам как следует отвозить!!!

Но тут оскорбительное слово «мордасы» причудливо делилось на две части: «мор» я произносил под оглушавший рев гудка, а «дасы» под мертвую тишину, потому что гудок прекращался так же резко и неожиданно, как и начинался.

Уловив ухом фразу: «...дасам как следует отвозить», агент подозрительно косился на меня и спрашивал:

– Что – как следует отвозить?

– Я говорю – мануфактуру. Как ее следует отвозить на склад: сегодня или завтра?

– Конечно! – язвительно пожимал плечами агент. – Вы первый день служите, да? Не можете сообразить, что за ней на склад каждую минуту могут явиться с накладной? Никакого из вас толку нет, сколько с вами ни бьешься.

«Ладно, ругайся, – самодовольно думал я. – Все равно не

перепугаешь».

И возвращался я домой довольный, до отвала насытив свое самолюбие и гордость.

II

Марию Николаевну я любил уже год, а она этого совершенно не замечала. С женщинами я робел и заикнуться какой-нибудь из них о чувствах я не решился бы при самых благоприятных обстоятельствах.

Я любил Марию Николаевну целый год и боялся даже словом, даже намеком выдать свою тайну.

Ночами я метался в постели, вздыхал, терзался мучениями невысказанной и неразделенной страсти, а днем угрюмый, холодный встречался с Марьей Николаевной.

И дождался я того, что она однажды заявила мне:

– Ну, мой верный рыцарь, уезжаю.

Я почувствовал, что кровь бросилась мне в лицо. Помолчав, сделал усилие и холодно спросил:

– Куда?

– В Одессу. К сестре, а оттуда, погостив, в Москву.

– Та-ак. Ну, счастливого вам пути. Желаю, чтобы вы поселились у сестры, а также и в Москве.

Она странно поглядела на меня, вздохнула и спросила:

– Придете к пароходу проводить?

Я вежливо поклонился.

– Если разрешите, с удовольствием.

На пароходной пристани собралось много провожающих – веселые, оживленные.

И я старался быть оживленным, шутил, улыбался. Выходило неважно.

– Что вы такой?.. – спросила Марья Николаевна.

– Зуб что-то болит, – кисло отвечал я. – У нас дома такие сквозняки...

И в то время как я говорил ей эти слова, чудовищный рев гудка разбил воздух, как стекло, и все внутри каждого человека заныло и задрожало мелкой дрожью.

Марья Николаевна скучающе глядела на мои шевелящиеся губы, а я говорил ей:

– Такие сквозняки... Моя милая, бесценная, мое единственное солнышко!.. Я тебя люблю, слышишь ли ты это слово? И я бы хотел с тобой рука об руку дойти гордо и счастливо до самой могилы. Слышишь ли ты меня? Я люблю твою душу и люблю твоё тело, такое прекрасное, гибкое, нежное и упругое. Я бы томил тебя ласками, целовал бы нежно, и бурно, и трепетно и всю засыпал бы свежим дождем поцелуев – твои руки, грудь, живот, твои плечи, о, твои плечи! Слышишь ли ты меня, единственное мое ясное солнышко?..

И опять гудок нелепо оборвался на середине слова «меня»...

«Ня, единственное мое ясное солнышко»... – услышала Марья Николаевна.

– Что? Какое «ясное солнышко»? – недоумевающе переспросила она.

– Я говорю, единственное, о чем я мечтаю, – понежиться

на солнышке. Вот, видите, сейчас облака, а когда вы уедете, я, если выглянет солнышко, пойду на бульвар и посижу на скамейке.

– Подумаешь, идиллия... Только и всего?

И я холодно ответил:

– Только и всего.

* * *

Эти две истории я рассказал к тому, что вообще хорошо было бы в каждом городе на каждой улице поставить по такому гудку, – хоть раз в день на пять минут можно было бы быть искренними друг с другом.